

Сергей Наумов

Останься живым

Сергей Наумов
Останься живым
Серия «Андрей Долгинцов», книга 3

OCR Денис

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160025

Сергей Наумов. На расстоянии крика: Вече; Москва; 2004

ISBN 9533-0276 2

Аннотация

Сергей Наумов относится к тем авторам, кто создавал славу легендарного ныне "Искателя" 1970 – 80-х годов. Произведения Наумова посвящены разведчикам, добывавшим сведения в тылах вермахта, и подвигам пограничников. Самый популярный герой писателя – Андрей Долгинцов, "Седой", чьи похождения увлекали не одно поколение любителей остросюжетной литературы, а также знакомы многим по фильму "В двух шагах от Рая".

Сергей Наумов

Останься живым

* * *

По дороге в штаб Седой заглянул во двор госпиталя, который разместился в большом юнкерском доме. Заглянул просто так, из любопытства. А может, и потому, что услышал музыку. Кто-то хорошо играл на аккордеоне. Потом он услышал песню. Высокий мужской голос почти фальцетом пел:

Слети к нам, тихий вечер,

На мирные поля...

Во дворе танцевали. Раненые в повязках с медсестрами.

Больничный сад благоухал устойчивым запахом весны. В бело-розовом цветении стояли яблони и черешни. Белыми были халаты сестер и бинты на раненых. От белого рябило в глазах. "Кончается война, – подумал Седой. – И первыми это чувствуют женщины".

Он и сам испытывал необъяснимое, ни с чем не сравнимое чувство – будто тебя подхватило сильное теплое течение и несет, несет в какую-то неизвестную блаженную даль. А там, в этой дали, кто-то ждет, ждет именно его, майора, которого никто ждать не должен, – всех родных убила война.

Пьянящее ощущение близкой победы и своей силы, ран-

няя весна – все это будоражило людей, притупляло чувство опасности.

Армия обошла Берлин с севера и тем самым завершила окружение германской столицы. Одна из дивизий устремилась навстречу союзникам, подходившим к Эльбе с запада. Гитлеровцы еще на что-то надеялись, отчаянно сопротивлялись. Они дрались буквально за каждый дом.

Шагая по улицам аккуратного немецкого городка, захваченного внезапным ударом с фланга и потому целехонького, если не считать выбитых в домах стекол, Седой думал о предстоящем разговоре с начальником разведотдела армии. Он знал полковника Букреева с первого месяца войны, был с ним дружен той скупой мужской дружбой, которая не терпит скучных объяснений, глупых недомолвок, пустячных обид.

Букреев встретил Седого на застекленной террасе, полуобняв, усадил в глубокое плетеное кресло, остро заглянул в глаза.

Террасу заливало жаркое весеннее солнце. С улицы доносилась веселая солдатская перекличка:

– Ты глянь... танки-то, танки где остановились! На самом виду. По "юнкерсам" соскучились?

– Нема у Гитлера "юнкерсов", Коля, скидай одежду – загорать будем...

– Все с ума посходили, – проворчал Букреев, тяжело опускаясь в кресло напротив Седого.

Пожилой седуусый полковник походил на усталого, вер-

нувшегося с поля пахаря. Глубокий шрам пересекал его квадратное угрюмоватое лицо. Когда полковник говорил, шрам стягивал кожу на правой щеке, и тогда казалось, что начальник разведки смеется.

– Ты знаешь, что я сейчас вспомнил? – Букреев едва заметно усмехнулся: – Кленовую аллею в Тимирязевском парке... Такой же вот апрель и листочки, еще свернутые в дудочку. Черт знает почему...

– Может, женился ты той весной, Иван Савостьяныч? – насмешливо ответил Седой, вслушиваясь в разговоры на улице.

– Бирюк ты, – примирительно вздохнул полковник. – Я с тобой как с другом... Думал лирический разговор состряпать.

– Не обижайся, Иван Савостьяныч, – тихо проговорил Седой. – До логова дошли, обложили зверя, а я все нашу границу забыть не могу... Мы сидим в блокгаузах, патроны на исходе, а они – термитными снарядами. Конюшня загорелась... Лошади сбили ворота... Думаешь, пожалели они лошадей? Охоту устроили, сволочи. Из винтовок, как по мишеням. Один гнедой по кличке Кордон только и ушел в тыл...

Букреев смотрел на Седого, и боль сжимала его сердце. Четвертый год они воевали вместе. Полковник помнил тот день, когда у горевшего леса прямо к наспех отрытым окопам вышел человек в лейтенантской гимнастерке. Он был точно создан для боя. Сухощавый, неулыбчивый, с пронзи-

тельным взглядом узких, неуловимых темных глаз. Уголки его сильного рта были словно запечатаны по бокам глубокими морщинками. Серебро густо покрывало черные жесткие волосы. Пограничная форма сидела на нем плотно, будто сшитая по заказу.

Капитан Букреев тогда придирчиво рассматривал и документы лейтенанта-пограничника, и его самого, задымленного, запыленного так, что и лица-то разобрать невозможно.

Лейтенант был ранен в руку и в шею, видимо, сильно контужен. Он заикался и во время разговора прикрывал глаза ладонью, словно заслоняясь от чего-то жгучего, бьющего прямо в зрачки.

– За-заст-та-вы н-нет, я остался од-дин, – только и произнес пограничник, и было непонятно, как же он вырвался из окружения, прошел через горящий лес да еще принес с собой два немецких автомата.

Для бойцов батальона, которые еще не видели ни одного гитлеровца, человек с границы был героем. Букреев помнил, как они поодиночке и группами приходили в блиндаж посмотреть на спящего лейтенанта. Он постанывал во сне, тяжело, с присвистом дышал и крепко сжимал обеими руками трофейный автомат.

– Седой, – ласково сказал кто-то из бойцов, разглядывая не по годам суровое лицо спящего пограничника.

Так и прошел он с этим псевдонимом – Седой – по тылам вермахта. В разведотделе дивизии оценили отвагу и наход-

чивость лейтенанта Долгинцова. Отличное знание немецкого языка помогло ему стать настоящим разведчиком.

– Не вижу карты, – внезапно сказал Седой.

– Я бы предпочел шахматы, Андрей, – угрюмо отозвался Букреев. – Война-то на исходе.

Полковник потянул за шнур портьеры, она сдвинулась и открыла мелкомасштабную карту Северной Германии.

– Городок в одиннадцать букв, без разбега не выговоришь, он нам нужен. Монтгомери спешит к Берлину, спешит и 12-я фашистская армия Венка. В Берлине надеются на то, что Венк со своей армией прорвется к столице. Но им важно и другое – не дать нам соединиться с англичанами и американцами. Выше города плотина...

Букреев теперь походил на школьного учителя. С указкой в руке он стоял у карты и негромко рассказывал, словно вел урок:

– В водохранилище собрано около семи миллионов кубометров воды. Если взорвать затворы шлюзов, вода хлынет в долину, затопит город. Погибнут люди. Кроме того, задержится наше наступление... Послать большую группу мы не можем, она будет слишком заметна: территория, по которой придется идти, нафарширована эсэсовскими частями. Службы абвера, СД тоже не спят.

– Что известно о подступах к плотине, ее охране? – спросил Седой, подходя к карте.

– Незвестных в этом уравнении больше, чем хотелось бы.

Букреев тяжело опустился в кресло и негромко добавил:

– Охрана есть, но мы не знаем, сколько ее, местность на подходах к плотине открытая... Знаем, чтобы избежать случайностей, взрывное устройство спрятали в бункере. Они постараются взорвать затворы в последние минуты, когда наши войска войдут в город... В последнюю минуту... В этом все дело... В километре от плотины, в доме у семи сосен, живет старик немец Фридрих Гросс, он тебе должен помочь. Но нельзя исключать вероятность, что дом под наблюдением. Фотографию Гросса тебе покажет Сафонов. Пароль – "Трапезунд открыт для кораблей", ответ – "Со вчерашнего дня"... Как только начнется штурм города, в район плотины будет выброшен десант. Штурм начнется ровно в шесть часов утра – через сутки после твоего ухода...

– Полковник встал, тотчас заложил руки за спину. Седой знал этот жест – у Букреева была прострелена грудь. В комнате стало душно, несмотря на распахнутые окна, и полковнику тяжело дышалось.

– Ты ведь мечтал стать врачом? – вдруг спросил Букреев.

– Когда это было! Еще до пограничного училища, – усмехнулся Седой.

– Учился и ушел с третьего курса, – упрямо мотнул головой полковник. – Знаю, перевязки делать умеешь, латынь разбираешь, шприц от скальпеля отличить сможешь.

– Значит, под врача?..

– Значит, так. Маскируясь под врача, тебе легче будет

передвигаться, путь неблизкий... Документы заготовлены. Пойдешь без оружия. Саквояж с инструментами у Сафонова. Он тебя будет провожать с ребятами. А там смешаешься с беженцами. И... нету нас с тобой времени, давай простимся здесь, сейчас.

Букреев шагнул вперед, обнял Седого за плечи, как и при встрече, остро заглянул в глаза.

— Об одном прошу тебя... — голос его дрогнул, — останься живым...

— Как выйдет, Савостьяныч, — тихо ответил Седой.

* * *

Небо желтело над дымящимися развалинами. И было трудно различить, где кончается щебень обвалившихся стен и где начинаются улицы. Дома зияли пустыми глазницами окон. Из поврежденных труб сочился газ и вместе с каменной пылью щекотал ноздри.

И все же это был настоящий воздух, а не канализационный смрад. И это был вражеский тыл, в который Седого провели саперы по подземным коммуникациям города.

С той минуты, как он протиснулся в узкую горловину подземного колодца, прошло долгих пять часов. Правда, по коллектору шли в полный рост. Несколько раз поднимались наружу. Из-под крышки колодца, словно сквозь смотровую щель в танке, можно было наблюдать за улицей.

Больше всего боялись мин, поэтому двигались медленно, прощупывая каждый метр миноискателем.

Угрюмоватый сапер с забинтованной головой в самом начале пути протянул Седому укороченный щуп, надел на спину ящик с батареями, сунул в руки миноискатель. Наушники разведчик надел сам.

– Шукай осторожно. Щуп втыкай в эту грязюку, как палец в мед. Если что, хлопни меня по плечу и замри!

Сапер не знал, что Седой в многочисленных своих переходах через линию фронта научился находить и обезвреживать мины так же быстро и ловко, как это делали саперы-виртуозы из саперного батальона.

Теперь все позади. Сброшены резиновые сапоги. Ладонь правой руки побаливает от крепких прощальных рукопожатий. Он в немецком городе с документами берлинского врача Конрада Шмитца.

"Два часа, как кончился налет", – определил Седой, глядя на дымящиеся развалины.

Он опасался налетов. После них слишком много работы для людей его профессии. Да и возможность попасть под американские бомбы не радовала Седого – всегда есть шанс получить осколок. Нужно выбираться за город и ловить попутную машину. Должно же ему повезти.

Шоссе в этот час не было пустынным. В сторону фронта мчались тяжелые "бюссинги", полные солдат, катила артиллерия, двигались танки.

На запад, держась обочины, шли беженцы, толкая перед собой коляски со скарбом; то и дело в живом людском потоке мелькали навьюченные мешками велосипедисты. Седой шагал в этом потоке беженцев, ничем не выделяясь среди них.

Эсэсовский патруль он заметил издали – три мотоцикла с колясками на обочине. Шестеро в черных мундирах, с молниями в петлицах. Автоматы в руках, как топоры.

"Значит, не обошлось", – подумал Седой. Он не сомневался в надежности своих документов, но всякая проверка таила в себе опасность. Опасность быть мобилизованным в армию, на строительные работы, наконец, простое задержание для выяснения личности. Время. Оно шагало слишком быстро. Цена минуты подорожала на десятки, а может быть, на сотни жизней.

Седой протянул документы высокому худощавому офицеру с нашивками оберштурмфюрера. Тот мельком взглянул на Долгинцова и раскрыл паспорт. Голос офицера был рассеянным и еще более молодым, нежели его лицо:

– Берлинский врач... Конрад Шмитц... Бежите от русских... Давно из Берлина?

Седой опустил глаза – это меняло их выражение.

– Шесть дней, оберштурмфюрер, – ответил Седой, чувствуя, как наливаются тяжестью ноги и немеет правая рука, держащая саквояж.

– Поедете с нами, – коротко бросил офицер.

Седому пришлось ждать, пока не иссякнет поток бежен-

цев. Он внешне спокойно стоял между эсэсовцами и ловил на себе жалостливые, полные сочувствия взгляды проходящих мимо людей. Эсэсовцы вызывали в них страх и отвращение.

"Если подвели документы, тогда последняя рукопашная", – думал Седой. У него мелькала уже мысль свалить внезапным ударом солдата слева, завладеть автоматом и расстрелять остальных в упор.

Он удивлялся тому, что его не обыскали. Это было не в обычаях войск СС, и Седой решил подождать с рукопашной.

Наконец поток людей иссяк. Офицер повернул к Седому равнодушное лицо усталого человека.

– Сядете в коляску, – коротко распорядился он и тут же окликнул одного из солдат: – Гельмут, возьми у доктора саквояж.

Старый немецкий замок, куда эсэсовцы доставили Седого, лежал на полпути к городу – цели разведчика. Проехали в глубину парка, и Седой увидел огромные воронки от бомб. Снесенные взрывной волной скульптуры валялись на клумбах, всюду виднелись следы пожара.

Седого провели в подвальное помещение. Офицер исчез, словно растворился в полутьме подземелья. Два эсэсовца остались за спиной – Седой чувствовал их дыхание.

"Они даже не открыли саквояж с инструментом. И вернули документы. Им нужен врач. Кто-то ранен, и не нашлось даже фельдшера. А если все не так?.."

Седой чувствовал, что ставит себе вопросы машинально. Его мысли кружились, как в водовороте, цепляясь одна за другую, чтобы пережить самое мучительное – ожидание.

Вернулся офицер и сделал знак, приглашая за собой.

Они прошли коридором, свернули в широкий, похожий на склеп проход. Провожатый толкнул единственную дверь. Яркий" обнажающий свет ослепил Седого. Он прикрыл веки. Было такое ощущение, словно тебя сейчас ударят... Глухая тишина и осколок солнца в колодце.

Глаза наконец-то привыкли к свету. Он увидел человека, лежащего на диване. На нем была форма штурмбаннфюрера войск СС. Длинное сухое лицо, пристальный, изучающий взгляд. Неумело забинтованная правая нога покоилась на подушке.

Кроме раненого в комнате находились два эсэсовца и человек в штатском.

– Частная практика? – голос звучал простуженно.

– Так точно, господин оберштурмбаннфюрер, – быстро сказал Седой. Ему подумалось, что так будет лучше – сухой язык рапорта и чуточку лести – назвать эсэсовца рангом выше.

– Где жили в Берлине?

– Зейдлицштрассе, семнадцать...

– Русских видели?

– Танки...

Раненый шевельнул подбородком, легкая гримаса боли

пробежала по его лицу.

– Наш полковой врач убит при бомбежке, – произнес он. – Вам придется осмотреть раненых. Начнете с меня... Вы, надеюсь, не спешите?

– Я в вашем распоряжении.

Седой быстро и умело размотал бинт, страхась увидеть закрытое ранение. Мелкий осколок прошил икрную ткань насквозь и даже не задел кость. "Руки, – вспомнил разведчик, – я не вымыл руки".

Он снял пиджак, аккуратно повесил его на спинку кресла, засучил рукава рубашки и негромко потребовал:

– Воды.

Осмотр не занял и пяти минут. Седой ополоснул руки в тазике, который принес один из эсэсовцев, и склонился над раненым.

– Осколок прошел навывлет. Задета кость... Нужно вычистить рану и наложить тугую повязку. Лучше это сделать в госпитале, – сказал Седой. Он надеялся на магическое слово "госпиталь".

– Приступайте!..

Теперь голос звучал с хрипотцой. Седой вздрогнул. С тех пор как его остановил патруль, он ни на минуту не почувствовал правдоподобности происходящего. Реальность как бы растворилась в хаосе мыслей, нахлынувших внезапно и властно. Происходящее казалось каким-то искусственным, как и немецкий язык, который он то вспоминал, то забывал.

Седой раскрыл саквояж с инструментами. Скальпель – вот что вернуло его к обычному состоянию: спокойному, ироническому отношению к жизни.

"Я должен прокипятить инструменты. Сейчас важно не допустить ошибки. Врачебной ошибки. И следить за руками – так, кажется, говорил профессор, читавший курс хирургии".

Он открыл флакон с йодом... И сразу вспомнил свою единственную встречу с океаном. Отец привез его, четырнадцатилетнего мальчишку, во Владивосток к дяде, военному моряку. Вышли в море на рыбацьем баркасе. Йодистый воздух с непривычки сильно щекотал ноздри. Когда это было? И было ли это?..

– Придется потерпеть, – пробормотал Седой, наклоняясь над раной, остро чувствуя присутствие человека в штатском за спиной, его молчаливую отчужденность.

Седой много раз за годы войны видел работу фронтовых хирургов, дважды лежал в госпитале сам и, как человек, некогда мечтавший стать врачом, живо интересовался военной медициной. Он многое умел, но в пределах того любительского умения, когда нужно оказать первую помощь. Сейчас он и окажет ее этому пожилому нацисту.

"Боишься гангрены, – отметил про себя разведчик. – Ему все пятьдесят шесть, а может, и больше. Сколько людей отправил он на смерть одним словом или движением руки?.."

– У доктора, по-моему, дрожат руки?

Неприятный, скрипучий голос. Это штатский. Он стоит за спиной и дышит в затылок. Промолчать?..

– Я бы хотел, чтобы мне не мешали... .

Фраза вырвалась сама собой. Раненый махнул рукой. Человек в штатском исчез бесшумно, только скрипнула дверь.

Раненый оказался терпеливым человеком. Он ни разу не застонал, не вскрикнул, пока Седой обрабатывал рану, только по расширенным зрачкам – разведчик однажды глянул в лицо эсэсовца – можно было догадаться, какой крик удерживал в себе пациент.

Тампон на рану. Тугая повязка. Кажется все. Седой распрямил затекшую спину. И заставил себя улыбнуться.

– Благодарю, – хрипло выдохнул эсэсовец. Разведчик сдержанно кивнул. – Еще трое... Вас проводят...

Седой почувствовал, как стучат часы на руке.

– Слушаюсь...

– Вы все-таки спешите, – насмешливо сказал штурмбаннфюрер. – Вас ждут родственники или жена?

– Дети... господин оберштурмбаннфюрер...

– Будущее Германии. Я понимаю вас... После осмотра раненых мои люди подбросят вас до шоссе.

В наскоро оборудованном подземном лазарете Седой снова увидел человека в штатском. Неприметное, трудно запоминающееся лицо фашистской ищейки. Абвер или гестапо?

Седой с особенной остротой ощущал присутствие этого человека. Весь мир был теперь отгорожен его широкой спи-

ной.

* * *

Перед концом осмотра раненых человек в штатском покинул комнату-лазарет.

Седой вышел из подземелья в сопровождении двух эсэсовцев. Человек-ищейка ждал его у машины.

– Мы попутчики, доктор. Садитесь вперед... Устали?

– Да.

На дворе сумерки переходили в ночь. Последний солнечный луч подсвечивал облака, чуть тронутые ветром. Вокруг все одевалось в графитовые тона, и полусвет, как пыль, падал на лица.

Машина рванула с места, оставив у ворот эсэсовцев, вытянувших руки в фашистском приветствии.

На смутном фоне полей и весенних деревьев мелькали фигуры одиноких людей, бредущих на запад. Машина обгоняла их и, все увеличивая скорость, неслась в ночь.

Человек-ищейка мелко и беззвучно смеялся. Седой видел его лицо в маленьком зеркальце над ветровым стеклом.

"Горсть табачной пыли – все мое оружие, – думал разведчик. – Я ему подозрителен... Чем? Он даже не смотрел мои документы... Тогда чем же? Презрение к интеллигенту, бегущему от русских?"

– Где вы так поседели, доктор? – лениво, с наигранным

равнодушием спросил тот, кто сидел сзади.

– У меня погибла семья.

– И мамочка тоже?

"Он разговаривает со мной, как с обреченным... Но в машине стрелять не будет... Свернет с шоссе... Их двое. Пригоршня табачной пыли на двоих..."

Седой напряженно смотрел перед собой, ловя глазами столбики с указательными знаками. Он вспомнил карту и сверял ее по памяти с названиями населенных пунктов на указателях. Сейчас важно было сориентироваться.

Внезапно машина резко свернула на проселочную дорогу, и по сторонам вырос еще оголенный по-весеннему лес.

Проехав немного, машина стала.

– Птичке пора улетать... – многозначительно сказал человек-ищейка и, открыв дверцу, вышел из машины.

Шофер, рослый эсэсовец, не выключая мотора, толкнул Седого в плечо, давая понять, чтобы он покинул машину.

Седой разжал кулак, хранящий пригоршню табачной пыли, и резко бросил ее в лицо эсэсовца. Шофер коротко вскрикнул – пыль попала в глаза – и вытянул вперед руки, стараясь вслепую поймать разведчика за лацканы куртки. Ребром ладони Седой ударил эсэсовца по шее, там, где находилась сонная артерия, и включил скорость.

Новенький "опель" рванул с места. Сзади грохнул выстрел, второй. Седой слышал, как пули стегнули по металлу, и, навалившись на баранку грудью, еще сильнее надавил на

педаль газа.

Отъехав с полкилометра, разведчик остановил машину и вытащил не приходящего в сознание шофера на обочину. Быстро обыскал его. Оружия не было...

Седой гнал "опель" по проселку, не включая фар, стремясь уйти от шоссе как можно дальше. Он выиграл минут двадцать. В том, что его будут преследовать, разведчик не сомневался. Машина таила в себе опасность. Ее неминуемо остановит военный патруль. И потом машина – это след. Его счастье, что ночь и туман поднимается из низин.

До плотины не больше двадцати километров, она слева от дороги. Значит, сворачивать нужно вправо и в первый же овраг спустить "опель"...

...Седой сделал несколько шагов от оврага и вышел на просеку. Лес роптал. Над беспокойными вершинами бежали облака, окрашенные бледным светом луны. Далеко за лесом возникало и пропадало серебристое зарево.

Росистое поле лежало перед разведчиком. Теплым сырым ветром обмывало ему лицо.

Седой прислонился к стволу. Кора была мокрой. Он посмотрел на соседние деревья. Они тоже поблескивали влагой. Дерево вздрогнуло. Капли с него упали за ворот куртки, и от этого холодно стало спине.

Седой поежился и, перешагивая через горбатые, выпирающие из земли корневища, пошел по просеке к полю. Вспашанный танками суглинок податливо расступился под его но-

гой. Все казалось нереальным – и это небо, серое и низкое, как во сне, и этот дрожащий мир, готовый в любую минуту рассеяться. Глаза Седого уже привыкли к окружающему, сознание же было еще привязано к схватке на дороге тысячами нитей. Но он никак не мог вспомнить лица человека-ищейки...

Седой шел строго на запад, ориентируясь по звездам, которые то открывались, как в колодце, то снова затягивались космами облаков.

С полуночи сильный туман стал мешать разведчику.

"Плотина близко, – подумал Седой, – это водоем породил туман".

Сосны выплыли из белесого сумрака внезапно, а вскоре разведчик разглядел и дом – приземистое кирпичное строение чуть поодаль от деревьев. В одном оконце сквозь маскировочную штору пробивался слабый свет.

Стучать Седой не решился. В доме могли жить другие люди. Он приник к окну и стал смотреть в щель между шторой и частью стены.

Пока его глаза напряженно всматривались в просвет, ухо ловило малейший шорох за спиной.

Наконец заскрипел стул, до слуха разведчика донесся хриплый, лающий кашель и в просвете показалась сгорбленная фигура в пижаме. Седой узнал старика, едва увидел его лицо с неправильными чертами, словно взятыми от разных людей.

Разведчик негромко постучал. Гросс обернулся к окну, резко приблизился. Чуть отодвинул штору, пытаясь рассмотреть ночного гостя. Свет косо упал на лицо Седого, он сдержанно улыбнулся старику, понимая, что тот видит его.

Через минуту проскрипел засов на дверях и хриплый голос спросил:

– Кто там?

– Трапезунд открыт для кораблей, – тихо, но внятно произнес Седой.

За дверью долго молчали. Наконец дверь отворилась, и разведчик шагнул в темноту.

Комната, куда старик привел его, была скудно освещена коптилкой и походила на блиндаж, обжитой и уютный, но без комфорта. Свет коптилки вырывал из сумрака только стол, на котором она стояла, два стула и край тяжелой деревянной кровати, застланной тонким грубошерстным одеялом. Что-то воспаленное было в этом скудном рассеянном свете, словно с догорающим фитилем уходила чья-то жизнь.

В непроветренном помещении держались запахи спиртного, дешевого табака, лука и той тоскливой затхлости, которая подсказывает, что в доме этом долгие годы не ступала нога женщины. На столе стояли початая бутылка вина с французской этикеткой и тяжелый, из литого стекла стакан.

Старик пристально разглядывал разведчика.

– Русский?

– Да.

Глаза, вспыхнувшие отсветом коптилки, померкли, ушли в тень подлобья.

– Я жду вас вторую ночь... А это... – он кивнул на бутылку, – помогает одиночеству.

– Французское перно, – заметил Седой, вслушиваясь в звуки на улице. – Откуда?

– У СС особое снабжение и... весь мир под ногами...

Гросс выпрямился, и на его по-старчески поджатых губах проглянул осколочный луч усмешки.

Но скоро сильный приступ кашля согнул его.

– Вы не сказали ответ на пароль, – напомнил Седой.

– Я его забыл, – пробормотал хозяин дома. – Карцеры Моабита могут заставить забыть, как зовут маму и фюрера... Там что-то было про вчерашний день... Я – старая ржавая мина и думал, что уже не пригожусь... – Он тяжело опустил-ся на стул. Внезапно сказал: – Они убили Тельмана... Я знал его...

Седой пристально взглянул в лицо старика и уловил твердую потаенную мысль в глубине его темных зрачков.

– У нас мало временив, – мягко сказал он. – Меня интересу-ет бункер.

– В бункер проникнуть невозможно, – устало и тихо ска-зал старик. – Двойные стальные двери, все подходы замини-рованы...

– В бункере никого нет?

– Никого. Они придут туда по звонку из города... Они все-

гда были дьявольски хитры, теперь же замуровали смерть. И они знают, когда ее выпустить.

Старик закашлялся. Его болезненный кашель походил на треск разрываемого брезента.

"У него туберкулез. Простуда обострила процесс. Знает ли он об этом?" – подумал Седой, вглядываясь в заострившиеся черты лица Гросса.

– Есть только один проход к бункеру, – наливая себе из бутылки, продолжал старик, когда кашель отпустил его. – Проход обозначен вешками... Чтобы добраться до него от моего дома, нужно пройти минное поле.

– Кабель от бункера?

У Седого шевельнулась надежда.

– Скрыт под землей.

– Так...

Старик маленькими глотками отпивал перно. Он казался невозмутимым.

"Пройти минное поле" – это просто сказать, – думал разведчик. – Они предусмотрели все. И не в первый же класс ходит их контрразведка. Оружие – вот что мне нужно. Тогда можно попытаться пройти через это проклятое поле и у бункера задержать их. Хотя бы на полчаса... Может быть, успеет десант?.."

– У вас есть оружие? – спросил Седой.

– Нет, – отозвался старик. – Дом два раза обыскивали, да и взять его было негде... У меня есть другое... – Старик по-

жевал губами, с сожалением выпустил стакан из рук. – Подождите несколько минут и не подходите к окну.

Он встал, набросил на плечи пальто и вышел, шаркая ногами, что-то бормоча себе под нос.

То, что принес старик, было завернуто в непромокаемую тонкую ткань и перевязано просмоленным шпагатом.

– Я хранил инструменты в бочке с водой, – разрезая перочинным ножом шпагат, сказал Гросс. – Думаю, они пригодятся вам.

На полу лежали миноискатель и ранец с батареями питания, рядом поблескивал щуп, похожий на штык.

– Где же вы?.. – задохнулся Седой, готовый расцеловать немца за такой подарок.

Старик усмехнулся. Глаза, которые он близоруко щурил во время разговора, теперь широко открылись и поблескивали хитрецей, отражая в зрачках качнувшийся багрово-медный листок пламени в плошке.

– Я купил все это у сапера, работавшего здесь. Отдал, можно сказать, целое состояние – тысячу марок и два перно в придачу. Парень был молодой и любил выпить.

Седой плохо слушал Гросса. Он смотрел на миноискатель и чувствовал себя так, словно ему второй раз подарили жизнь. Теперь нужно действовать. Обстановка подсказала Седому простую и дерзкую мысль – разминировать часть минного поля, добраться до бункера и заминировать единственный проход немецкими же минами.

Гросс понял разведчика с полуслова и быстро нарисовал план, где бункер был помечен крестом.

— У края овражка одинокая яблоня, вы ее увидите и в темноте — она сейчас цветет... От нее начинается минное поле, сразу влево. На вышках два прожектора. Они включаются с интервалом в десять минут... — Старика снова забил кашель. — Мне сказали, что будет десант... Это правда?

— Возможно, — сказал Седой. — Рота отчаянных парней с неба не помешала бы. А пока нужен крепкий мешок для мин.

— Мы найдем это скоро. — Гросс улыбнулся одними губами и ловко достал из ящика стола второй стакан. Он разлил вино поровну, поднял свой стакан и чуть торжественно сказал: — Смерть фашизму!

— За тебя, товарищ Гросс, — просто сказал Седой и чуть отхлебнул из стакана.

Путь от дома до овражка разведчик преодолел быстро, шел в полный рост, надежно охраняемый темнотой. Овражек, поросший густым кустарником, пришлось преодолевать по-пластунски — сюда доставал луч прожектора.

Седой полз, выставив вперед миноискатель, застывая неподвижным взгорком при каждом всплеске света. А вот и белое пламя яблоньки. Сейчас влево и наискось, через поле, прощупывая каждый метр.

Седой осторожно перемещал рамку миноискателя над прошлогодней стерней, вводил в землю шуп и слушал. Если в наушниках прекращался тонкий, похожий на комариный

писк, он приступал к самой опасной части работы – разгребал над миной землю и выворачивал взрыватель. Мины он складывал в мешок. За два часа набрал всего десять штук. Дальше путь оказался свободным.

"Десять противопехоток на всякий случай – не похоже на аккуратистов немцев, – думал Седой. – А может быть, у них больше не было мин?"

Прожектор, как лезвие бритвы, срезал спасительный мрак и охлаждал сердце.

До бункера оставалось метров триста. И вдруг призрачный свет пролился на землю сверху. Разошлись облака, и в просвет скользнул тусклый серебристый диск.

Седой перевернулся на спину, давая отдохнуть затекшим от напряжения рукам и шее, – все равно двигаться сейчас было нельзя.

Луна, пришитая к темному пологу ветхой ниткой Медведицы, казалось, раскачивалась, готовая вот-вот сорваться с небосвода.

Седой догадался: пришла усталость, это она закачала его. Сейчас не хватало только уснуть.

Там, в ночи, – спящие поля и большие цветущие яблони, реки, освобожденные ото льда и еще закованные лед, горы, робко ждущие солнца. Там, далеко на востоке, – окна домов со следами светомаскировки, сон миллионов людей и вечный сон солдат в братских могилах. Там его Родина, измученная и прекрасная.

Здесь – притаившиеся жилища и холод близкого опустошения. Пронзительно-яркие глаза машин, ползущих в смерть, как загнанные звери.

Седой остро ощутил одиночество. Сердце заколотилось быстро и больно. Чувство обиды, что придется умереть в день, когда кончается война, перехватило горло.

Что же ты, Букреев? Послал меня умирать среди чужих полей. Ведь столько смертей ходило надо мной, а ты послал испытывать судьбу еще раз. А мне ведь, Букреев, еще род свой продолжить надо, землю свою увидеть, памятник ребятам, погибшим на границе, изладить. Что же ты, Букреев?.. Пора выбрасывать десант... Десант в район плотины.

Эта мысль уплывала, растворялась в тумане, постепенно превращаясь в сон, в который трудно поверить. Сознание застлал сумрак дремоты.

"Останься живым..." – услышал вдруг Седой и открыл глаза. Усталость всей войны все-таки укачала его. Он привык к грохоту передовой, бомбежкам, лязгу и крику; здесь же, в ухоженных аккуратных полях, было тихо. Спокойствие разбуженной теплом земли поднималось к Седому сотнями запахов, обостренных ночным сыроватым воздухом. В полях кто-то всхлипывал. Тонко кричала птица. Свистели крылья. Птицы не спали. Должно быть, кто-то разорил их гнезда.

Луны не было видно. Ее снова спрятали облака. Над землей повис туманец, словно сверху опустили белесый занавес. Скоро рассвет. Нужно торопиться.

Триста метров, отделявших его от бункера, показались Седому долгими, изматывающими километрами пути. Миноискатель то и дело натывался на мины. Теперь разведчик не просто обходил их, он искал проход между смертями, закованными в металлические корпуса.

Посветлело. Но и туман стал гуще, затрудняя видимость.

Тропу – проход к бункеру Седой узнал по редким красным вешкам. Разведчик сбросил ранец, снял наушники, отложил миноискатель и щуп, достал из мешка короткую лопатку. Хотел закопать инструменты, чтобы эсэсовцы не смогли воспользоваться ими, но потом раздумал и просто разбросал их в разные стороны на минном поле. Так было надежнее.

В мешке – одиннадцать мин. Три из них разведчик поставил у самого бункера, остальные на тропе, продвигаясь прямо к сторожевым вышкам, мелькавшим иногда сквозь редящие клубы тумана.

Это было нехитрое дело – ставить мины, но у Седого от смертельной усталости дрожали руки, когда он закреплял в железный корпус противопехотки вывернутый накануне взрыватель.

Последнюю мину Седой решил замаскировать у самой кромки плотины, где тропа-проход круто поворачивала в сторону. Он положил мину за пазуху и неспешно двинулся по тропе, осторожно прислушиваясь к звукам проснувшегося мира, ища в них стук шагов или шорох дыхания.

– Руки вверх! Повернись!

Голос словно упал с неба.

Седой остановился, вскинул руки и повернулся лицом к бункеру.

Сбоку зашуршали кусты, и кто-то легко и бесшумно прыгнул на тропу и встал за спиной разведчика.

"Вот и последняя рукопашная", – мелькнула мысль.

И другая мысль, острая, бьющая в самое сердце: "Он видел, как я ставил мины, и срочно вызовет саперов. Тогда все было напрасно".

– Тебе придется проделать работу наоборот... Разминировать проход...

Вкрадчивый, тихий голос. Маленькая отсрочка? Наверное, он боится, что их саперы могут не успеть... Нужно только не двигаться. Тогда он приблизится.

– Шевелись!..

Седой почувствовал дыхание говорившего. Пора! Он резко и быстро присел, захватил руками край плаща фашиста. Этот прием однажды уже спас разведчика от смерти. Тогда ствол парабеллума упирался в лопатку.

Все решили секунды. Владелец вкрадчивого голоса перелетел через голову разведчика и тяжело ударился о землю. Пистолет отлетел в сторону и исчез в зарослях кустарника.

Седой шагнул к неизвестному, тот проворно вскочил на ноги и выбросил вперед правую руку с ножом.

Путь до бункера и бессонная ночь отобрали у разведчика слишком много сил. Он ударил левой и промахнулся – фа-

шист нырнул под удар. И все же правой Седой перехватил вооруженную руку противника.

Они боролись у самого уреза плотины. Силы оставляли Седого. Он оступился и упал. Фашист счел это за хитрость. Он кружил около разведчика, выбирая момент для нападения.

"Кто он? – зачем-то спрашивал себя Седой, подбирая ноги, готовясь встретить бросок противника.

– Сдавайся! – хриплым голосом проговорил враг. – Тебе не уйти... Капитан школы разведчиков Зигфрид Аппель чего-то стоит в этой войне...

– Вот и познакомились, – негромко обронил Седой, чувствуя на груди холод последней мины. Во время схватки он совсем забыл про нее.

"Встать! Встать!" – приказывал себе разведчик и был не в силах пошевелиться.

В эту минуту Седой не страшился ни боли, ни смерти. Его мучило сознание неисполненного дела, самого главного дела его теперешней жизни.

Он встал, покачиваясь, словно пьяный, слабо взмахнул руками.

Удар кулаком в живот пригнул его вперед. Другой удар – в подбородок. "Теперь нужно упасть. Он должен поверить, что я сломлен. И он не уйдет от соблазна взять советского разведчика. Он дал мне передышку, и это его ошибка".

Седой упал на колени, потом тяжело ткнулся лицом в зем-

лю.

Аппель бросился на распластанное перед ним тело и встретил сильный внезапный удар головой. Удар пришелся в челюсть и опрокинул фашиста на спину. Он успел выхватить нож, но было уже поздно. Сначала одна рука, затем другая мертвой хваткой сомкнулись на его горле.

Аппель наугад наносил бешеные удары ножом, но Седой не ослабил хватки, и вскоре фашист затих.

Седой с трудом поднялся, держась за живот, пошатнулся и застонал. Из-под руки, которой он зажимал рану, сочилась кровь.

– Нельзя мне умереть... Слышишь! – яростно зашептал разведчик. И сделал первый неуверенный шаг.

На краю обрыва он остановился, извлек из-под куртки мину. Она поблескивала свежими следами от ударов ножа.

"Такой удар... Капитан Аппель знает, где расположено сердце", – криво усмехнулся разведчик.

Вдруг что-то насторожило его. Какой-то гул. Сквозь редящий туман ничего не было видно. Гул доносился снизу, со стороны города.

"Артиллерия, – догадался Седой, – наша артиллерия обрабатывает передний край гитлеровцев. Через полчаса – штурм... Нужно уходить, пока туман... пока туман".

Он достал из кармана куртки взрыватель, вставил его в последнюю мину, прижал к груди и медленно двинулся через поле, угадывая свой ночной след по примятой стерне.

Достиг середины поля, когда туман рассеялся и стали видны и семь сосен, и домик Гросса, и бетонное тело плотины с прорезями водосбросов, и дальняя кирха, испещренная следами осколочных попаданий.

Увидел разведчик и немцев, бегущих по краю уреза воды к бункеру. Он оглянулся вокруг, словно прощаясь.

Солнце вставало, и все, что видел глаз, подернулось золотым отблеском. И Седому показалось, что он бредет пыльной деревенской тропкой прямо в поля, заполненные освещенной колосющейся рожью.

И еще почудилось, что идет ему навстречу межой Букреев, без полковничьей формы, в простом гражданском пиджаке. Идет и как-то странно взмахивает руками, словно собирается взлететь.

– Я живой, Иван... живой... – шептал Седой, нагибаясь от боли все ниже и ниже, но не опуская головы, чтобы видеть и поля, и рыжий отсвет неба, и идущего к нему Букреева.

Фридрих, бегущий к Седому через разминированную часть поля, подхватил его, не давая упасть, в тот самый момент, когда разведчик потерял сознание.

– Мой бог, они убили его, – пробормотал немец, увидев кровь на брюках и рубашке Седого.

Со стороны бункера донеслись глухие взрывы. Дрогнула земля.

Седой открыл глаза и узнал Гросса.

– Перевяжи... живот... Бинт в кармане...

Старик осторожно поднял на Седом рубашку, отшатнулся.

– О-о! – вырвалось у него.

– Это не смертельно... Нож не задел диафрагму... Меня спасла мина.

Он не отрывал взгляда от неба, где солнце уже пробило бреши в пелене облаков. Его свет был неостановим, как сама жизнь.

Старый Гросс кивал головой грустно и восторженно, как будто его голос не мог выразить радости. Наконец он сказал:

– Вот автомат и три диска... Я снял наблюдателя.

– Как ты... нашел... в тумане?

– Я просто знал, где он всегда сидит... Мы должны продержаться.

– Ты молодец, старик... Рыцарь...

Легкая улыбка тронула землисто-серое лицо Седого. Близость новой схватки вернула ему иронию.

Легкий ветерок принес со стороны плотины резкие крики команд и лай собак.

– Ты умеешь стрелять? – Седой в упор, не мигая, посмотрел на старика.

– Из этой штуки... попробую, – неуверенно ответил Гросс.

– Поверни меня на живот... И дай автомат...

Он знал, сколько нужно сил, чтобы сделать что-нибудь стоящее на этой войне. Он знал, что только победа может

оправдать все страдания: и его, и еще миллионов других солдат.

Он принимал этот бой смело и хладнокровно, как тот первый свой бой на границе в такой же рассветный час.